

НЕМОНЕТАРНАЯ ЭКОНОМИКА В РОССИИ: МЫ НИЧЕГО НЕ ЗАБЫЛИ И КОЕ-ЧЕМУ НАУЧИЛИСЬ

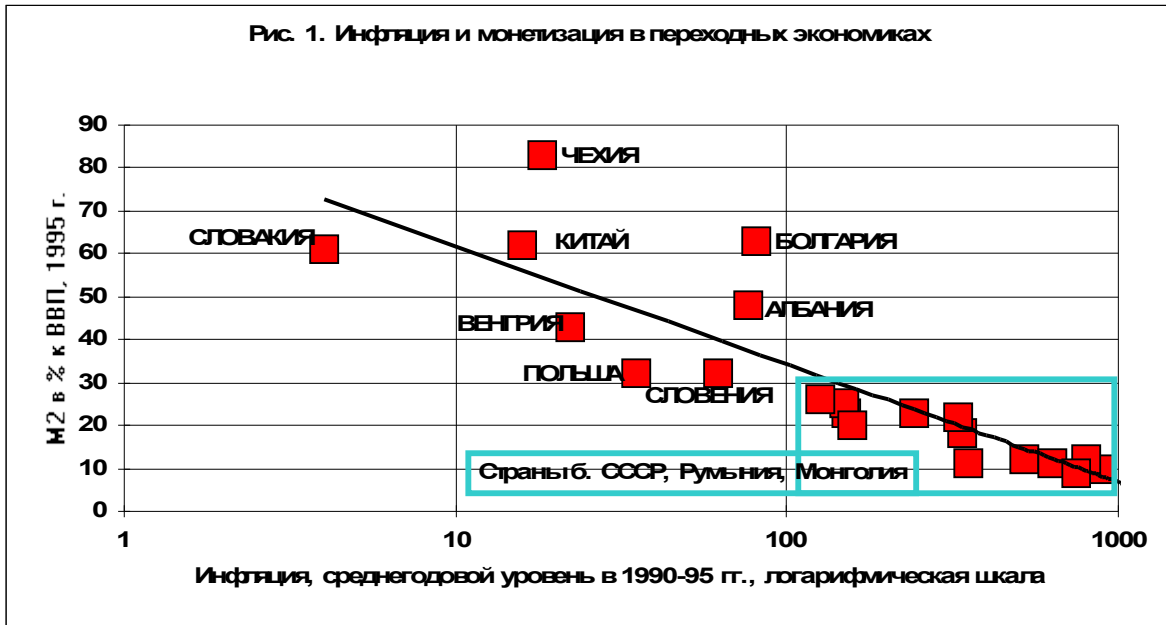
Сергей Гуриев и Владимир Попов¹

Немонетарная экономика -- хроническое и массовое замещение в хозяйственном обороте денег неплатежами, бартером и всевозможными платежными суррогатами -- один из самых загадочных феноменов российского переходного периода. Быть может, на наших глазах он уходит в небытие, так и не будучи понятым до конца экономистами. После августовского кризиса 1998 года неплатежи, бартер и использование денежных суррогатов, таких как векселя и взаимозачеты, практически неуклонно снижаются. Почему? Ответить на этот вопрос не так просто, как может показаться. Предсказать послекризисный упадок бартера и неплатежей до кризиса никто не смог, так же как в начале 90-х никто не сумел предвидеть повсеместную демонетизацию российской экономики в период финансовой стабилизации 1995-98гг. Непросто предсказать, и что будет дальше – наблюдаем ли мы последний закат немонетарной экономики или же относительные показатели неплатежей и бартера стабилизируются на каком-то (каком?) более или менее устойчивом уровне. Или же, еще хуже, когда-то (когда?) начнется новый раунд демонетизации.

Макроуровень

Строго говоря, понятие демонетизации шире, чем то, что мы называем немонетарной экономикой (неплатежи, бартер и денежные суррогаты). Демонетизация – снижение отношения денежной массы к ВВП – происходит во всех странах, переживающих высокую инфляцию (рис.1). Явление это известно давно и теперь даже вошло в учебники - после того как было подробно исследовано в статье Ф. Кейгана «Монетарная динамика в условиях гиперинфляции» (1958 г.), в которой анализируется 6 эпизодов гиперинфляции (в том числе и в Советской России в 1918-22 гг.) . Произошла демонетизация и в России в период высокой инфляции 1992-94 гг. Удивительным здесь можно считать, во первых, факт очень высокой монетизации советской экономики, в которой деньги играли в общем-то очень ограниченную роль (рис.2), а, во-вторых, повсеместное распространение неплатежей и бартера. Раньше, до краха плановых экономик, падение спроса на деньги из-за их быстрого обесценения сопровождалось ростом вложений в реальные активы и в валюту (долларизация). В России же в 90-е годы в дополнение к демонетизации и долларизации произошел еще и невиданный ранее расцвет немонетарной экономики – накопление просроченной задолженности, гигантский рост бартерных сделок и распространение квази-денег (векселей и взаимозачетов).

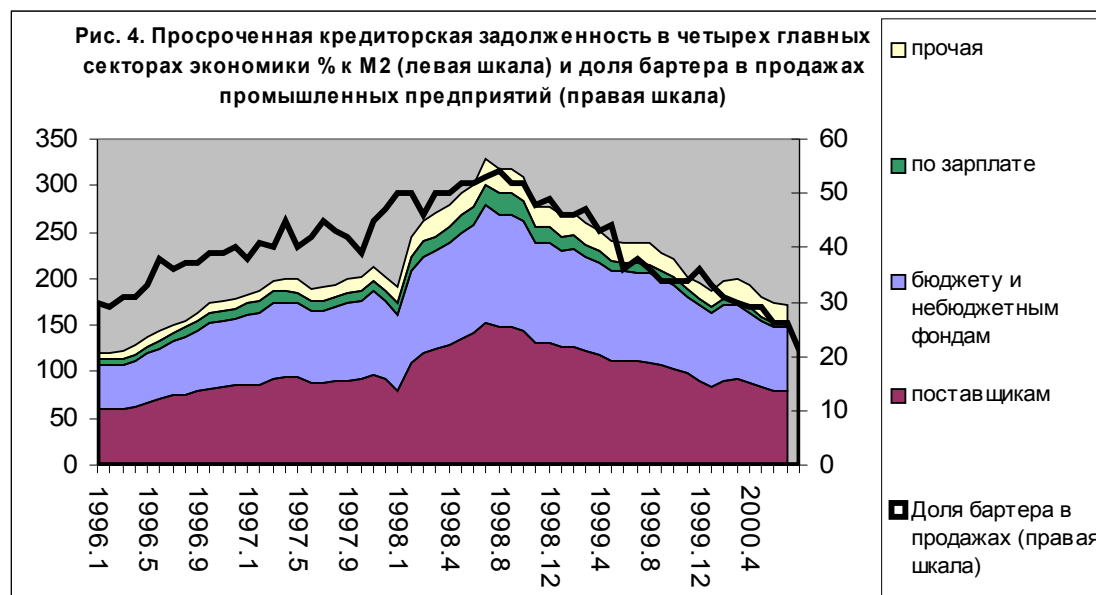
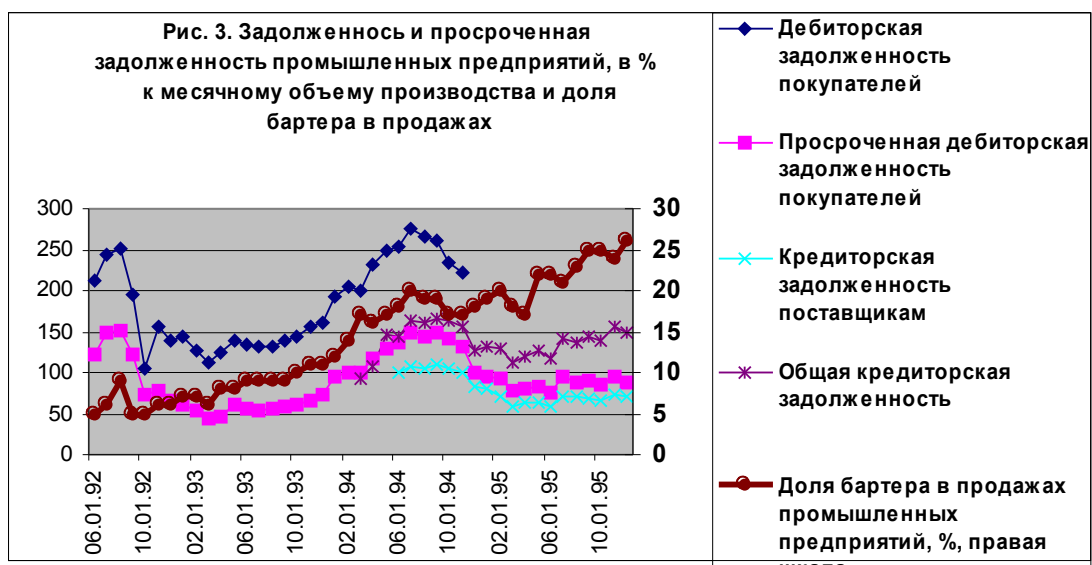
¹ С. Гуриев - преподаватель Российской экономической школы, e-mail: sguriev@nes.ru. В.Попов - профессор Высшей школы международного бизнеса Академии народного хозяйства, e-mail: vpopov@ccs.carleton.ca. Сокращенная версия статьи была опубликована в журнале «Эксперт» 5 марта 2001г.

Источник: World Development Indicators; A Study of the Soviet Economy, 1991. IMF, World Bank, OECD, EBRD; Russian Economic Trends.

Ранние трактовки накопления неплатежей в 1992-94гг. делали упор на монетарную политику, так как корреляция между динамикой денежной массы, с одной стороны, и неплатежами (отрицательная) и инфляцией (положительная), с другой, была довольно очевидной: снижение темпов роста денежной массы всегда вело к росту неплатежей и - через несколько месяцев - к снижению инфляции (рис. 3, 4). Интерпретация этой эмпирической зависимости была, однако, различной.

«Кейнсианцы» считали, что в России рост цен вызван в основном «инфляцией издержек» (cost-push inflation), так что ужесточение монетарной политики может привести только к росту неплатежей и к падению производства. Напротив, «монетаристы» полагали, что российская инфляция – чисто монетарный феномен, вызванный чрезмерным увеличением спроса (demand-pull inflation). Предприятия, по их мнению, реагировали на монетарные рестрикции не замедлением роста цен, а накоплением неплатежей из-за мягких бюджетных ограничений и слабого доверия к провозглашавшимся целям макроэкономической стабилизации: они не без основания полагали, что власти в конце концов все-таки не позволят им обанкротиться и профинансируют их просроченную задолженность.

Источник: Госкомстат и РЭБ. Данные по неплатежам на рис. 3 и 4 несопоставимы из-за изменения статистики просроченной задолженности.

«Монетаристская» и «кейнсианская» трактовки были диаметрально противоположными и взаимно исключаящими, но базировались на одной общей посылке, именно о том, что неплатежи были вызваны в основном огрехами макроэкономической политики, а не структурными и институциональными факторами. В самом деле, оставалось непонятным, почему в «нормальных» странах жесткая денежная политика не ведет к неплатежам и бартеру (хотя и может вызвать снижение инфляции и/или выпуска). Или почему нехватка доверия к правительственной программе стабилизации ведет к бартеру и неплатежам, а не к тривиальной инфляции.

Вдобавок, макроэкономические объяснения противоречили общепринятой теории платежных средств, которая предсказывает, что бартер должен был бы вытеснить деньги во время высокой инфляции, но уступить им место как только деньги перестанут обесцениваться. В действительности же бартер получил широкое распространение именно после денежной стабилизации 1995 г., когда инфляция стала сходить на нет. Соответственно, и сжатие немонетарной экономики после кризиса тоже противоречит теории: ремонетизация происходила на фоне более высокой, чем раньше, инфляции и бездействия банковской системы. Наконец, неясно было и почему бартер и денежные суррогаты не распространились во время первых двух платежных кризисов – в середине 1992 г. и в середине 1994 г. (рис. 3).

Таблица 1 Доля денежных средств в выручке по данным финансовой отчетности, представляемой в Госкомстат крупными и средними предприятиями. Источник: вычисления автора по всем имеющимся данным в базе данных "Гнозис" (более 5000 предприятий в каждом из лет)

	1996	1997	1998
Среднее	0.49	0.52	0.51
Медиана	0.37	0.32	0.32
Средневзвешенное (по объему продаж)	0.23	0.31	0.35

ТРИ ГЛАВЫ НЕМОНЕТАРНОЙ ГИДРЫ

- (1) *Рост неплатежей (просроченной задолженности) поставщикам, бюджету и внебюджетным фондам, рабочим, банкам после дерегулирования цен в начале 90х годов.* Реальная величина этой задолженности (в постоянных ценах) или же ее относительные показатели (в % к объему производства) достигала пиковой величины три раза – в середине 1992г., в середине 1994г. и прямо перед кризисом августа 1998г. (рис. 3, 4), т.е. как раз в те периоды, когда ужесточение монетарной политики приводило к снижению инфляции до самых низких значений. Правда, в 1995-98гг. – самый продолжительный период снижения инфляции – неплатежи увеличивались в основном за счет роста просроченной задолженности бюджету, тогда как задолженность поставщикам оставалась более или менее стабильной. После августовского кризиса 1998г. неплатежи стали сокращаться несмотря на снижение инфляции – весьма необычная картина в сравнении с докризисной динамикой, когда снижение инфляции всегда сопровождалось ростом неплатежей.
- (2) *Рост доли бартерных операций, продолжавшийся практически безостановочно до кризиса 1998 г.* По данным Российского экономического барометра, доля бартера в продажах промышленных предприятий выросла с 10% в 1992-93гг. до примерно 40% в 1996 г. и до 50% ко времени августовского (1998г.) кризиса.* После кризиса доля бартера в продажах снижалась и в настоящее время достигла 26%. Доля живых денег в налоговых сборах снижалась до кризиса и росла после него.
- (3) *Распространение денежных суррогатов – взаимозачетов и векселей, выпускаемых региональными администрациями, банками и фирмами и повсеместно принимаемыми как средство платежа частными компаниями и властями.* К середине 1996г., когда вексельное обращение достигло пика, по крайней мере 34 региона из 89 принимали налоговые платежи векселями (Woodruff, 1999, табл. 4, с. 160).

И просроченная задолженность, и вексельные обмены тесно связаны с бартером. Просроченная задолженность часто погашается бартером; векселя часто де факто также обеспечены продукцией, а не деньгами.

-

* Другие источники дают и более высокие (например, Карпов (1997)) и более низкие (например, Carlin et al. (2000), Guriev, Ickes (2000)) оценки. Очевидно, что разные исследователи понимают бартер по-разному: некоторые включают в понимание бартера вексельные трансакции.

-

В совокупности, эти три головы немонетарной гидры лишили деньги роли основного средства платежа. Как показано в таблице 1, в 1996-98 гг. доля денег в выручке предприятий составляла всего около 30 процентов.

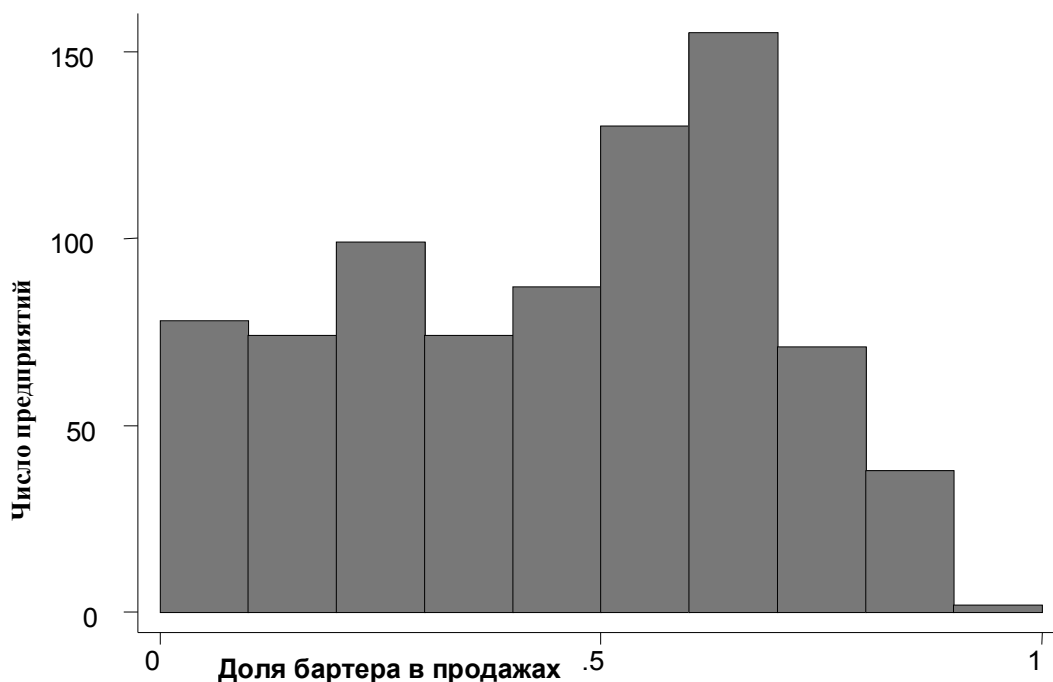
Микроуровень

Неплатежи и бартер были основным каналом обмена как минимум в течение 3 лет. Много это или мало? Достаточно ли это для того, чтобы выяснить природу российской демонетизации и послекризисной ремонетизации и понять, насколько положительные тенденции, наблюдаемые в последние 2 года, устойчивы и необратимы?

Три года – это и много, и мало. С одной стороны, это достаточно долгий срок для того, чтобы отвергнуть гипотезу о том, что неплатежи и бартер – это неравновесное явление, и заставить экономистов попытаться объяснить его причины при помощи экономических моделей. Но это и слишком короткий период для однозначных выводов о том, насколько эти модели соответствуют действительности.

Макроэкономические и структурно-институциональные теории не дают удовлетворительного объяснения того факта, что доля бартера в продажах сильно различалась для разных предприятий. Как показано на рис. 5, не существует четкой дихотомии "все по бартеру" или "все за деньги": почти все предприятия в той или иной степени сочетают бартер с денежными продажами.

Рис. 5. Количество предприятий, продающих по бартеру 0-10% своего выпуска, 10-20%, и т.д.

Источник: опрос предприятий ИЭПП 1998 г.

От чего зависит доля бартера в продажах предприятия? Какие именно характеристики предприятия, региона или отрасли определяют ее? На эти вопросы пытаются дать ответ микроэкономические модели, то есть модели, при помощи которых экономисты пытаются понять поведение отдельных предприятий.

ТЕСТИРОВАНИЕ ЭКОНОМЕТРИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ

Отметим, что методологии тестирования микро и макроэкономических моделей существенно различаются. Например, при определении зависимости бартера от ставки процента экономисты рассматривают поведение временных рядов обеих переменных. Каждое наблюдение – это среднее значение доли бартера у российских предприятий в данном месяце. В микроэкономических моделях, нужно рассматривать каждое предприятие отдельно, поэтому нет смысла использовать месячные данные: для сглаживания переменных используют по меньшей мере квартальные, а еще лучше годовые данные. Поэтому временные ряды резко укорачиваются: максимум, восемь точек за 1992-99 г. Кроме того, использование микроэкономических данных во время высокой инфляции затруднительно – необходимо очищать номинальные показатели с учетом различных темпы роста цен на разные товары и услуги. Поэтому остается всего 2-3 точки: 1996, 1997 и (с натяжкой) 1998 гг. Зато резко увеличивается количество наблюдений за каждый год. Как правило, каждый опрос насчитывает сотни предприятий, что вполне достаточно для проведения регрессионного анализа в каждый момент времени.*

* К сожалению, анализ одномоментных срезов, хотя и дает статистические значимые результаты, может быть не вполне убедительным. Действительно, бартер может зависеть от индивидуальных характеристик предприятия, которые не присутствуют в данных (например, от наличия "связей" у директора). Чтобы учесть такого рода ненаблюдаемые характеристики, следует использовать панельные регрессии с учетом так называемых постоянных или случайных эффектов, то есть оценивать эффект размера, доступа на внешний рынок, рыночной власти и т.д. для каждого предприятия. Например, если концентрация изменилась во времени и при этом (с учетом всех остальных факторов) бартер значительно увеличился, то мы можем с уверенностью говорить, что бартер действительно связан с концентрацией рынков. Одномоментные же срезы лишь показывают корреляцию между бартером и рыночной концентрацией в статике.

Основным микроэкономическим объяснением демонетизации, очевидно, является так называемая гипотеза «ограничений ликвидности». Опросы директоров предприятий показывают, что на вопрос «почему Вы используете бартер?» подавляющее большинство отвечает «у моего покупателя нет денег». Очевидно, что под этим подразумевается временные трудности с ликвидностью – иначе, если партнер хронически неплатежеспособен, то речь может идти об изменении уровня, а не формы оплаты. С теоретической точки зрения, гипотеза об проблемах с ликвидностью не вполне бесспорна. Во-первых, не всегда можно быть до конца уверенным, что у покупателя или его аффилированных структур нет денег. Во-вторых, отсутствие денег может быть сознательным решением покупателя: если покупатель знает, что он сможет расплатиться бартером, он не будет пытаться найти деньги. Интересно, что гипотеза

отсутствия ликвидности отвергается и эмпирическими исследованиями. Во-первых, не существует значимой связи между наличием ликвидных средств (и другими финансовыми показателями) и долей бартера в закупках сырья и материалов (и долей бартера в выручке) Commander-Mumssen (1998), Guriev-Ickes (2000). Во-вторых, бартер сильно автокоррелирован во времени (Guriev-Ickes (2000)), так что по всей видимости речь не идет о временных трудностях с ликвидностью.

Альтернативное объяснение заключается как раз в сознательном выборе менеджерами неденежных средств платежа вследствие конфликта интересов между менеджерами и собственниками и/или менеджерами и кредиторами (включая налоговые органы). Эта гипотеза высказана в отчете МБК (Карпов (1997)) и статье Карпов (2000), а также в Gaddy, Ickes (1998b). Менеджеры могут использовать бартер для защиты от внешних собственников и кредиторов, которым гораздо трудней контролировать неденежные трансакции. Эта гипотеза пока не была должным образом проверена эмпирически. Следует, впрочем, отметить доклад РЦЭР (Горобец, Кузнецов, Фоминых (2000)), в котором приводятся результаты детального обследования нескольких предприятий. Оказывается, что неденежные трансакции являются ключевым средством организации производства, необходимым для сокрытия доходов от кредиторов.

В литературе были обнаружены и другие факторы, влияющие на уровень бартера. Ниже приводится обобщение основных результатов схожих регрессий, проведенных в работах Commander, Mumssen (1998), EBRD Transition Report (2000), Carlin et al. (2000), Guriev, Kvassov (2000), Guriev, Ickes (2000). Несмотря на различные источники данных и разнообразные, знаки и величины полученных коэффициентов регрессии совпадают.

1. Размер предприятия: чем больше предприятие, тем больше бартера. Учитывая все остальные переменные, если одно предприятие больше другого в 10 раз, его доля бартера больше примерно на 5%. В бартерных трансакциях сильна экономия от масштаба: чем больше объем сделки, чем ниже удельные издержки бартерных трансакций.
2. Доступ к экспортным и потребительским рынкам снижает бартер. При увеличении доли экспорта в продажах на 10%, уровень бартера падает на 2-3%. Удивительно, что этот эффект столь слаб, но именно такую величину дают все источники. С учетом остальных факторов в отраслях, производящих потребительские товары, бартер ниже на 10%.
3. Конкуренция на рынках. Бартера больше на концентрированных рынках, и особенно много в случае монополии. Модель в Guriev, Kvassov (2000) объясняет этот эффект возможностью использования бартера для ценовой дискриминации, которая также упоминается и в книге Woodruff (1999).
4. Задолженность. Бартера больше на предприятиях с большой задолженностью и замороженными банковскими счетами. Это по-видимому, подтверждает гипотезу, что бартер может использоваться для защиты доходов от кредиторов.
5. Интересно, что структура собственности (в том числе и доля иностранных собственников) не влияет на уровень бартера. Этот результат ставит под сомнение аргумент об эффекте конфликта интересов между собственниками

и менеджерами. С другой стороны, можно представить себе, что имеют место два противоположных эффекта, которые взаимно погашаются. С одной стороны, чем больше доля внешнего собственника, тем больше возможностей для контроля и замены менеджера, так что менеджеру тяжелее укрывать доходы. С другой стороны, тем меньше доля самого менеджера, и тем больше стимулов для трансфертного ценообразования (при помощи бартера).

«Сделано в России»: структурные и институциональные причины

И все же при всех достоинствах перечисленных выше макро-микроэкономических объяснений картина остается неполной – в этих теориях нет ничего особенно "российского". Монетарные рестрикции и концентрированные рынки присутствуют во многих странах. Почему именно в России произошла демонетизация? Ответ на этот вопрос может дать теория множественных равновесий и институциональных ловушек (Полтерович, 1999). Сочетание указанных выше факторов привело к переходу количественных изменений в качественное – бартер стал нормой, а денежный обмен – исключением. Стало легче найти партнера на бартерном, чем на денежном рынке – бартер институционализировался (Макаров, Клейнер (1999)).

В соответствии с таким подходом, неплатежи и бартер возникают в *незрелой* рыночной экономике (со слабыми институтами и слабой центральной властью, с резкими различиями в эффективности между секторами, с отсутствием традиций банкротства, с сильной монополизацией, и т. д.) и до поры до времени существуют как «спящие гены», разбудить которые может «большой толчок», например, в виде резкого ужесточения денежной политики и/или сокращения экспорта. Разбуженные гены, однако, начинают плодиться в благоприятной среде (дороговизна кредита) с невероятной скоростью и быстро переделывают экономику в немонетарную: чем больше платят бартером, тем меньше нужны деньги. В итоге оказывается, что повсеместная монетаризация, являющаяся устойчивым равновесным состоянием в «нормальных» странах, в *незрелых* переходных экономиках может существовать только как неустойчивое мимолетное состояние: его трудно достичь, но легко потерять.

В соответствии с одной точкой зрения, общая и просроченная задолженность поставщикам вообще не слишком отличается от аналогичных показателей в развитых странах, особенно если исключить «Газпром» (Schaffer, 1998). Специфика же России состоит именно в накоплении финансовой (а не коммерческой) задолженности - перед бюджетом и по зарплате, что является естественным следствием слабости банковской системы и ее неспособности прокредитовать реальный сектор (Клепач, 2000).

Другое объяснение бартера и неплатежей, в большой мере базирующееся на специфически российских реалиях, – это теория «виртуальной» экономики. Она была предложена Гэдди и Икесом (1998a)² и Эриксоном и Икесом (2000) и рассматривала неплатежи и бартер как инструменты скрытого перераспределения средств от эффективного сырьевого и энергетического сектора к неэффективному обрабатывающему. Предполагалось, что правительство поощряет такое перераспределение, так как старается

² Гэдди и Икес переняли термин «виртуальная экономика» из отчета МБК (Карпов (1997)).

предотвратить банкротство и закрытие неэффективных предприятий в обрабатывающей промышленности. Сырьевой сектор в целом и ТЭК в частности являются чистым кредитором в межотраслевом балансе неплатежей, а отрасли вторичной обработки – чистым должником.

Слов нет, масштабное перераспределение средств между секторами – непреложный факт российского переходного периода. Однако, с другой стороны, предпосылка о перераспределении средств между секторами ни в коей мере не является необходимой для объяснения роста немонетарной экономики. Ведь надо еще объяснить, почему это перераспределение ресурсов от сырьевых к обрабатывающим отраслям принимает не слишком обычную в мировой практике форму накопления просроченной задолженности, а не более традиционную форму прямых субсидий или ценовых субсидий, и почему это перераспределение изменяется во времени именно таким, а не иным образом. В других странах субсидирование отдельных секторов происходит в более явных формах, без бартера и неплатежей. Да и в России в дополнение к механизму неплатежей гораздо более масштабный переток средств обеспечивается ценовыми субсидиями (поддержание цен на топливо и энергию на уровне ниже мировых) и прямыми дотациями сельскому хозяйству.

Кроме того, теория «виртуальной экономики» не дает ответа на вопрос о динамике доли бартерных операций и распространения квази-денег (хотя Гэдди и Икес (1998b) и предлагают формальную модель, объясняющую выбор, делаемый предприятиями, между продажей за «живые деньги» и накоплением неплатежей).

Другое объяснение бартера, связанное с денежной политикой, лежит в институциональной сфере. Woodruff (1999) считает, что ключевой вопрос анализа немонетарной экономики состоит в выяснении условий, при которых государство, точнее, центральное правительство, теряет свою монополию на выпуск денег в обращение. Обычно мы принимаем факт наличия такой монополии как само собой разумеющийся, хотя, как показано в книге, «только во второй половине XIX века центральная власть в наиболее промышленно развитых странах утвердила свои исключительные полномочия в монетарной сфере, которые она продолжает поддерживать до сих пор». Доказательства - подробный исторический анализ денежного обращения и распространения немонетарных инструментов в СССР и России в 1987-98гг., сопровождаемый экскурсами в советскую историю (1924-33гг.), историю объединения Италии 60-х годов прошлого века, историю американской революции (восстание Шей 1786г. с требованиями разрешить уплату налогов в натуре).

Монополия центральной власти на регулирование денежного обращения, по мнению Д. Вудраффа, отнюдь не была гарантирована раз и навсегда в начале переходного периода. В последующем конфликт между федеральными властями и регионами привел к утрате монополии центра на официальное определение законных платежных средств. «Региональные власти утвердили свое право внедрять немонетарные средства платежей, деноминированных в рублях, как разрешив уплату налогов в натуре, так и поощряя местные предприятия рассчитывать между собой схожим образом». Позднее, в 1996-98гг., когда распространение векселей привело к утрате контроля над ценообразованием со стороны крупнейших компаний (так как ценовые скидки

предлагались даже тем потребителям, которые могли платить полную цену), векселя были изъяты из обращения.

Таким образом, демонетизация экономики тесно связана с политической децентрализацией федеративного государства. Это во многом согласуется с точкой зрения, что одно из основных отличий России от Китая, предопределяющее неудачу российских реформ и успех китайских, заключается в разном институциональном потенциале государства (Попов, 1998), в наличии сильной центральной политической власти в Китае (КПК) и отсутствии таковой (до недавнего времени) в России (Blanchard, Shleifer (2000)). Связь между проблемами бюджетного федерализма и бартером также обсуждается в отчете ОЭСР (2000), где показано, что региональные органы власти используют неденежные формы погашения задолженности по налогам для того, чтобы сократить платежи в федеральный бюджет. Уровень демонетизации налоговых платежей сильно коррелирован с разницей между собираемостью федеральных и региональных налогов.

К институциональным гипотезам немонетарной экономики следует отнести и широко распространенную точку зрения, в соответствии с которой неплатежи бартер и денежные суррогаты возможны лишь постольку и до тех пор, поскольку и пока само государство играет по немонетарным правилам. Несмотря на кажущуюся простоту такого объяснения, очень может быть, что попустительство властей как раз и есть та последняя капля (или «большой толчок»), превращающая предрасположенность к немонетарной экономики в действительность. Статистическая проверка направленности причинных связей подтвердила, между прочим, что именно неплатежи государству вызывают к жизни неплатежи предприятий друг другу, а не наоборот (см. Спец. доклад №3, Обзор экономики России, 1999/1.). Если бы институциональный потенциал государства был достаточен для того чтобы собирать налоги в срок и наличными (а не бартером и суррогатами) и чтобы платить в срок по своим обязательствам, неплатежи и бартер в частом секторе исчезли бы сами собой. В самом деле, если есть хотя бы небольшой сектор, где платят в срок и наличными, он оказывается более конкурентоспособным, чем все остальные и постепенно их вытесняет. Проблема же состоит именно в том, что такого конкурентоспособного сектора с безупречной репутацией и кредитом доверия как раз и нет. Так что даже те частные фирмы, которые могут платить в срок, на деле предпочитают задерживать платежи.

Монетарная экономика как неустойчивое равновесие

Насколько описанные выше представления помогают понять посткризисные явления? Во-первых, в соответствии с микроэкономическими представлениями о бартере, девальвация и доступ на экспортные и потребительские рынки должны были дать и в действительности дали толчок ремонетизации экономики – как отмечается в работах Аукуционека (2000), Gaddy and Ickes (1998b), Guriev and Ickes (2000), Carlin et al. (2000), бартер это не только решение, как продавать, но и какие товары производить. Во-вторых, исчезновение рынка ГКО и снижение реальных процентных ставок привело к перетоку денежных средств в реальный сектор.

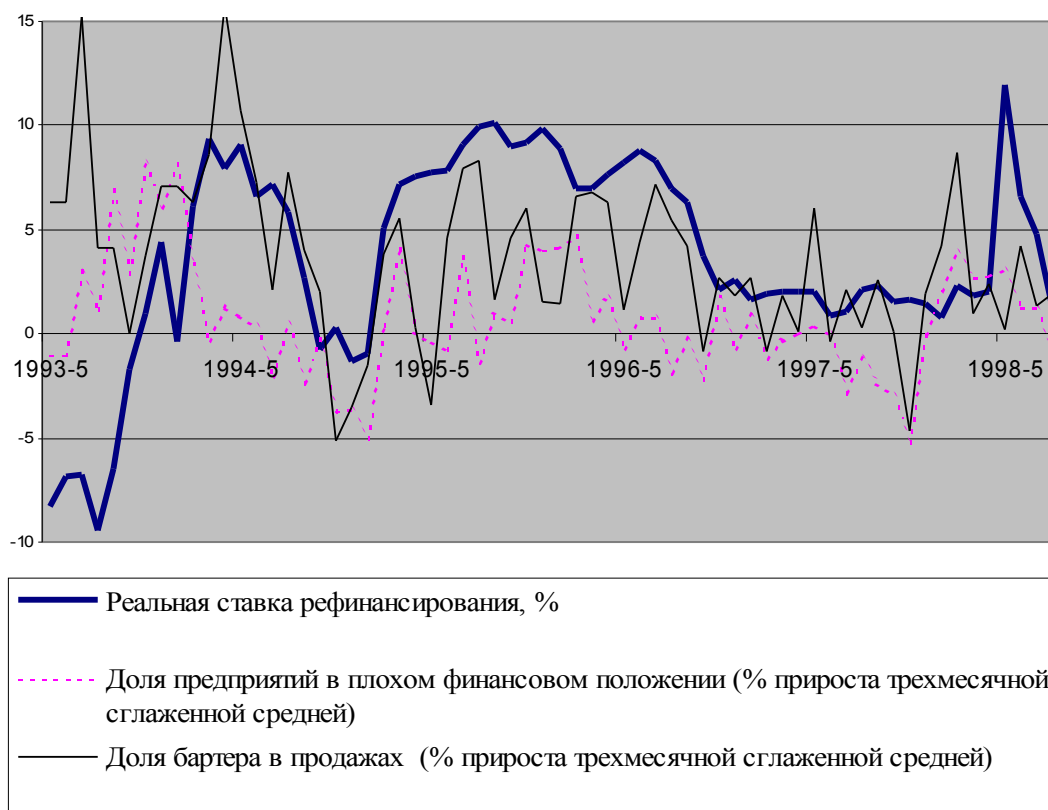
Сейчас, похоже, все признают связь между монетарной политикой и демонетизацией экономики. Так, доклад Всемирного Банка (Pinto, Drebenstov, Morozov, 1999) в качестве основного макроэкономического объяснения бартера называет сочетание жесткой денежной и мягкой бюджетной политики в 1995-98 гг. В отсутствие инфляционных доходов, дефицит покрывался за счет заимствований на внутреннем рынке (ГКО), что приводило к вытеснению (crowding out) кредитных ресурсов из частного сектора. Объем государственных заимствований был настолько велик, что ставка процента по ГКО была слишком высока не только для инвестиций в основной капитал, но и для пополнения оборотных фондов. Следовательно, в реальном секторе отсутствовали деньги, и единственным способом продолжения производства был бартер, пусть неэффективное, но все же действенное средство обмена.

Отметим, что этот аргумент не вполне полон, так как легко представить себе и обратную причинно-следственную связь: не бюджетный дефицит привел к демонетизации реального сектора, а отсутствие денег в реальном секторе привело к снижению налоговых сборов и, следовательно, увеличению дефицита. К счастью, при помощи теста Грэйнджера можно проверить, что является причиной, а что – следствием, и это было сделано в статье Brana, Maurel (1999), где показано, что именно высокая реальная ставка процента приводит к увеличению бартера, а не наоборот.

На рис. 6 показаны темпы прироста бартера и доли предприятий в плохом финансовом состоянии, причем, как видно на графике, эти темпы прироста до августовского (1998 г.) кризиса почти никогда не были отрицательными. Если же посмотреть на показатели уровня бартера и неплатежей (рис. 7), то получится типичная картинка неустойчивого равновесия: при ставке реального процента, заметно превышающей 0% в месяц, доля предприятий в плохом финансовом положении оказывается выше 60%, а неплатежи и бартер начинают расти, причем, в пределе, видимо, стремятся к 100%, т.е. со временем могут охватить всю экономику. Наоборот, при ставке реального процента очень близкой к 0% в месяц и ниже доля бартера (и неплатежей – рис. 3, 4) снижается и в пределе может, видимо, достичь устойчивой величины, близкой к нулю.

В первом приближении, таким образом, получается, что предрасположенность к бартеру и неплатежам, то есть необходимые условия для расширения немонетарной экономики, появляется при уникальной комбинации микро-факторов (монополии, высокая задолженность, уклонение от налогов и т.п.), структурных факторов (различия в эффективности секторов и необходимость субсидирования отдельных отраслей) и институциональных факторов (слабость государственных институтов, не позволяющая ни прибегнуть к более открытым и традиционным формам субсидирования, ни закрыть лазейки ухода от налогов). Добавьте к этому жесткую денежную политику, и получится набор достаточных условий, превращающих предрасположенность в реальность: в экономике с уникальной комбинацией названных факторов высокие реальные процентные ставки ведут к превращению возможности демонетизации в действительность.

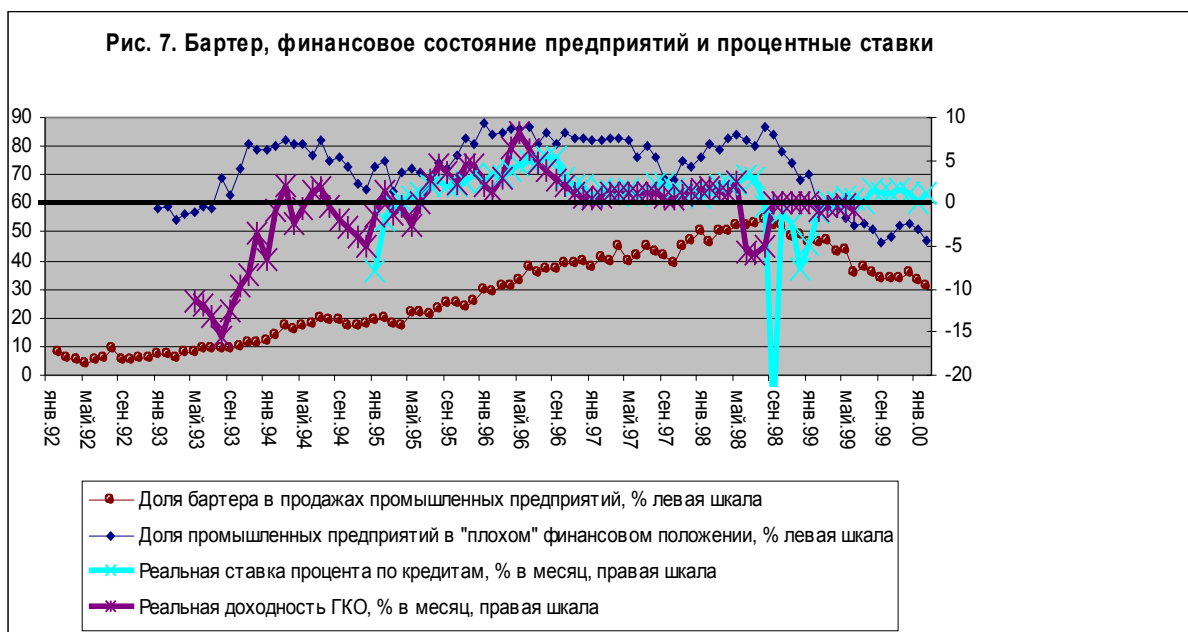
Рисунок 6. Реальная ставка процента, доля предприятий в плохом финансовом состоянии и бартер

Источник: Врана, Maugel (1999) по данным РЭБ и Госкомстата.

С «уникальной комбинацией факторов», определяющих предрасположенность к неплатежам и бартеру предстоит еще разбираться – и с «уникальностью», и с «комбинацией» здесь пока еще далеко не все ясно. Однако практический вывод довольно очевиден: если Вы больны диабетом, не надо есть много сахара, если экономика имеет склонность к неплатежам и бартеру, ей противопоказана жесткая денежная политика. По опыту прошлых лет (1995-98 гг.), получается, что за 5-6 лет монетарных рестрикций предрасположенную к неплатежам и бартеру экономику, можно полностью превратить в немонетарную. Августовский кризис, правда, нарушил «чистоту эксперимента», но, возможно, это как раз тот случай, когда лучше быть здоровым и не знать почему, чем все знать и быть больным.

Может быть, самые ближайшие месяцы покажут, правы мы или нет. Пока что правительство и ЦБР довольно успешно балансируют на тонкой грани между опасностью усиления инфляции (мягкая денежная политика) и угрозой нового роста неплатежей и бартера (политика жестких денег). Если ужесточение денежной политики продолжится, мы можем стать свидетелями нового подъема немонетарной экономики, и тогда разумнее всего будет сразу же отступить – смягчить денежные ограничения.

Источник: РЭБ; Russian Economic Trends.

Жесткость монетарной политики, конечно, понятие относительное. При фискальной экспансии – большом дефиците госбюджета, как в 1995-98гг., - нужны более высокие темпы роста денежной массы (монетизация дефицита), чтобы избежать роста реальных процентных ставок из-за расширения госзаймов. Сегодня, когда дефицит практически исчез, такой же, что и раньше, рост денежной массы может уже и не вести к повышению реального процента. С другой стороны, во время подъема и некоторой ремонетизации (роста отношения М2/ВВП) спрос на деньги растет, так что в известных пределах можно подкачивать деньги в оборот, не опасаясь вызвать ускорение инфляции.

Так или иначе, точно определить, какие именно темпы роста денежной массы являются оптимальными, можно только эмпирически.

По всей видимости, в этом и должен состоять общий принцип денежной политики – действовать методом проб и ошибок, постоянно пытаться прорвать границы невозможного и оперативно отступать, как только мы на эти границы наталкиваемся. Ведь, с одной стороны, у нас есть основания полагать, что институциональные и структурные реформы должны в конце концов снизить предрасположенность российской экономики к неплатежам и бартеру, так что обидно будет не снизить инфляцию через ужесточение денежной политики, если это можно будет сделать без серьезных последствий в виде роста немонетарных трансакций. С другой стороны, снижение склонности экономики попадать в немонетарную ловушку благодаря проведению структурных и институциональных реформ – дело не одного года, так что пока российская экономика эту склонность имеет, лучше не ставить «чистых экспериментов».

Это не значит, что с бартером и неплатежами не надо бороться и что они исчезнут сами собой, по мере увеличения платежеспособного спроса и загрузки производственных мощностей (см., например, статью С. Аукуционека в

«Вопросах экономики», №9 за этот год). Похоже, не исчезнут, а если и упадут до низкого уровня, то впоследствии, при ужесточении денежной политики, снова возрастут. Борьба с немонетарной экономикой необходимо: укрепление платежной дисциплины в госсекторе и госбюджете, применение процедур банкротства одновременно с реформой судебной системы, уничтожение межрегиональных барьеров на пути движения товаров, создание конкурентных рынков – только эти и другие схожие меры могут искоренить институционально-структурные причины бартера. Однако прогресс здесь, если и возможен, то только медленный, так что с предрасположенностью к тяжелой неплатеже-бартерной болезни придется жить еще не один год. Поэтому пока что лучше придерживаться щадящей монетарной диеты.

ЛИТЕРАТУРА

Аукуционек С. Модель бартерного производства. – *Вопросы экономики*, №9, 2000.

Карпов П. О причинах низкой собираемости налогов (неплатежей фискальной система), причинах "кризиса платежей" и возможности восстановления платежеспособности российских предприятий. *Отчет Межведомственной балансовой комиссии*, Москва, декабрь 1997.

Карпов П. Миф о цивилизованном предпринимателе. *Эксперт*, №13, 3 апреля 2000.

Клепач А.Н. От экономики неплатежей к денежному хозяйству? (макроэкономический аспект) Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2000.

Кузнецов П., Горобец Г., Фоминых А. Бартер и неплатежи как отражение новой формы организации промышленности в России. *Доклад Рабочего центра экономических реформ*, Москва, 2000.

Макаров В.Л., Клейнер Г.Б. Бартер в России: институциональный этап. *Вопросы экономики*, 1999, № 4.

Полтерович, В.М. Институциональные ловушки и экономические реформы *Экономика и математические методы*, 1999, вып. 2.

Попов В. Сильные институты важнее скорости реформ. – *Вопросы экономики*, 1998, № 8.

Blanchard O., Shleifer A. (2000) Federalism with and without Political Centralization: China versus Russia, NBER Working Paper No. W7616

Brana S., Maurel M. (1999). "Barter in Russia: Liquidity Shortage Versus Lack of Restructuring." CEPR Discussion Paper No. 2258.}

Carlin W., Fries S., Schaffer M., Seabright P. (2000). 'Barter and Non-Monetary Transactions in Transition Economies: Evidence from a Cross-Country Survey.' in Paul Seabright, ed.: *The Vanishing Rouble: Barter Networks and Non-Monetary Transactions in Post-Soviet Societies*. Cambridge University Press.

Commander S., Mumssen C. (1998). "Understanding Barter in Russia". EBRD Working Paper No.37.

EBRD (1999) Transition Report, London, p.124.

Ericson R., Ickes B. (2000), A Model of Russia's "Virtual Economy". CEPR/WDI Annual Conference on Transition Economics, Moscow, July 2000.

Gaddy C. and Ickes B. (1998a), Russia's Virtual Economy. *Foreign Affairs*, September-October 1998, pp. 53-67.

Gaddy C. and Ickes B. (1998b), "To Restructure, or Not to Restructure: Informal Activities and Enterprise Behavior in Transition", William Davidson Institute Working Paper No. 134.

Guriev S., Kvassov D. (2000), Barter for Price Discrimination? CEPR Discussion Paper 2449.

Guriev S., Ickes B. (2000). "Barter in Russian Firms" in Paul Seabright, ed. *The Vanishing Rouble: Barter Networks and Non-Monetary Transactions in Post-Soviet Societies*. Cambridge University Press.

Hendley K., Ickes B., and Ryterman R. (1998), *Remonetizing the Russian Economy*. In: H.G. Broadman, ed. *Russian Enterprise Reform: Policies to Further the Transition*. The World Bank, Wash., DC, November 1998.

Marin D. (2000), *Trust vs Illusion: What is Driving Demonetization in Russia?* CEPR Discussion Paper 2570.

OECD Economic Surveys: Russian Federation 2000.

Pinto, B., Drebenstov V., Morozov A. (1999). "Dismantling Russia's Nonpayments System: Creating Conditions for Growth", World Bank, Moscow.

Poser J. (1998), Monetary Disruption and the Emergence of Barter in FSU Economies. – *Communist Economies and Economic Transformation*, Vol. 10, No.2, 1998, pp. 157-78.

Schaffer, M. "Do Firms in Transition Countries have Soft Budget Constraints? A Reconsideration of Concepts and Evidence", *Journal of Comparative Economics*, 26(1), March 1998.

Woodruff D. (1999), *Money Unmade. Barter and the Fate of Russian Capitalism*. 1999. Cornell University Press, Ithaca and London.